

Языковые контакты и генеалогическая классификация

Статья посвящена вопросу об элементах языковой конвергенции в процессе становления новых языков, по мнению автора, все более актуальному по мере накопления сведений о «смешанных» языках (пиджинах и креолах), несмотря на постоянное игнорирование или недооценку его со стороны представителей традиционной компаративистики. Показано, что существующие модели классификации, основанные на морфологических и лексических (лексикостатистических) критериях, зачастую оказываются бессильными из-за невозможности детального учета таких элементов. При этом проблема оказывается актуальной не только для изначально неродственных языков, подвергшихся пиджинизации, но и для языков одной семьи, дивергенция которых одновременно сопровождалась интенсивными взаимными контактами (т. н. «проблема генеалогического пня», согласно термину А. Б. Долгопольского).

Статья «Языки мира» в Лингвистическом энциклопедическом словаре — как это и принято — представляет собой обзор родственных связей языков. Обзору предшествует пояснение: каждая языковая семья «происходит из группы близких друг к другу диалектов, которые в древности были диалектами одного языка или входили в один языковой союз (группу территориально близких языков, обладающих совокупностью общих черт)» [ИВАНОВ 1990₂: 609] (курсив мой. — В. Б.). Такое определение языковой семьи внутренне противоречиво. В самом деле, представим, что в глубокой древности имелось два в любом смысле неродственных между собой языка Я и L, каждый из которых не имел диалектных различий. Со временем язык Я эволюционировал в группу близких диалектов А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, а язык L — в группу диалектов A, B, C, D, E, F. Носители диалектов Б, Г, Ж и C, F довольно рано отделились от своих родственников, а носители диалектных цепей А—В—Д—Е и A—B—D—E мигрировали в направлении друг друга:

$$\text{Б Г Ж} \quad \Rightarrow \text{А—В—Д—Е} \Rightarrow \quad \leftarrow \text{А—В—D—E} \leftarrow \quad \text{C F}$$

При этом диалекты Д и D остались на периферии нового ареала, а А, В, Е, A, B и E заключили языковой союз на несколько тысячелетий:

$$\begin{array}{ccccccc} \text{Б} & \text{Г} & \text{Ж} & & \text{Д} & \text{—————} & \text{А} & \text{————} & \text{В} & \text{————} & \text{Е} \\ & & & & & & | & & & & | \\ & & & & & & \text{А} & \text{————} & \text{B} & \text{————} & \text{E} & \text{—————} & \text{D} & & \text{C} & \text{F} \end{array}$$

Языковой союз позднее распался, и входившие в него языки эволюционировали в течение нескольких тысячелетий самостоятельно.

Как мы будем классифицировать современные языки А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, A, B, C, D, E, F, восходящие к соответствующим древним диалектам? Может показаться, что теоретически существуют разные решения:

С двумя семьями. Языки А, Б, В, Г, Д, Е и Ж восходят к праязыку *Я, а языки A, B, C, D, E и F — к праязыку *L. В этом случае предки языков, входящих в каждую из постулируемых семей, в отдаленной древности «были диалектами одного языка».

Или с тремя. Языки Б, Г и Ж составляют одну семью, языки C и F — другую; принцип объединения тот же: предки современных языков «в древности были диалектами одного языка». Третью семью составляют языки А, В, Е, A, B и E, объединяющиеся на том основании, что их предки «в древности входили в один языковой союз». Положение языков Д и D оказывается спорным, поскольку наследство языкового союза в них выражено слабо. Для трех семей будет реконструировано три праязыка: *Я₁, *L₁ и *Ω.

Однако оба решения «неверны». В первом случае мы целиком проигнорировали вторую половину определения (относительно языкового союза), во втором — проигнорировали его первую часть для половины языков. При буквальном следовании определению мы, при наличии достаточной информации, неизбежно должны принять третье решение и констатировать

наличие трех семей: двух независимых, в каждой из которых предки современных языков «в древности были диалектами одного языка» (1. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж и 2. А, В, С, D, E, F), и пересекающейся с ними третьей семьи, образуемой языками, чьи предки «в древности входили в один языковой союз» (А, В, Е, А, В и Е).

На практике такое решение никогда не принимается. Но на практике общность языков, чьи предки всего лишь находились в интенсивном контакте, компаративист никогда и не называет языковой семьей. Происхождение реверанса в сторону языкового союза понятно: это всего лишь дань уважения имени Н. С. Трубецкого, именно *имени*, а не взглядам, выраженным в известной статье 1939 г. [Трубецкой 1987]. Но в этой работе Трубецкой предстает кем угодно, но никак не компаративистом, что убедительно показал В. А. Дыбо [2003: 69–73].

Важный постулат компаративистики гласит: «между родственными языками ⟨...⟩ имеются лишь регулярные соответствия, закономерность которых и устанавливается в результате введения системы-посредника, т. е. в результате реконструкции праязыка» [В. А. Дыбо 2003: 71]. Вопрос о том, как соотносится праязык, выявленный с помощью определенных технических приемов (назовем его *п р а я з ы к о м*₁), с реальными коммуникативными системами прошлого, далеко не прост. В период романтической юности сравнительно-исторического языкознания считалось, что реконструированный праязык₁ и реальный язык давних предков (назовем его *п р а я з ы к о м*₂) идентичны; опытный компаративист может научиться говорить на нем и даже создавать литературные произведения, которые могли бы быть восприняты пра-родителями с той же легкостью, с какою сочинялись их потомком-компаративистом.

Позднее стараниями младограмматиков выяснилось, что воссоздать реальные праязыки₂ вряд ли возможно, а социологическая школа вывела эту проблематику за пределы науки: «лингвисту нет вообще другого дела кроме как истолковывать системы соответствий, устанавливаемые между разными языками ⟨...⟩ которые одни представляют осязаемую реальность и, следовательно, единственный предмет сравнительной грамматики индоевропейских языков» [Мейе 1938: 107].

В рамках «истолковывания системы соответствий» продолжали уточняться реконструкции архетипических праформ, но они рассматривались лишь как удобные этикетки для соответимых элементов современных языков, являющихся потомками... Чьими потомками? Разумеется, какого-то праязыка₂, в исторической реальности которого не сомневался, пожалуй, никто, кроме Н. С. Трубецкого.

Итак, за демонстративным устранением праязыка₂ из предметной области компаративистики скрывалось известное лукавство, поскольку постулирование его существования и дивергентного развития по-прежнему оставалось фундаментом научной компаративистики.

Что же касается реконструированных праязыков₁, основного результата сравнительно-исторических исследований, то большинство компаративистов, видимо, никогда не считали их отвлеченными абстрактными конструктами, предназначенными лишь для удобства описания синхронных соотношений между языками. За ними всегда виделась историческая реальность: это были по возможности точные приближения к *п р а я з ы к а м*₂ — реальным коммуникативным средствам древних народов; степень возможного приближения праязыка₁ к соответствующему праязыку₂ зависит от полноты данных. В идеале — впрочем, недостижимом — конструкт и реальность должны быть идентичны. Неоднозначность реконструкций элементов праязыка₁ часто объясняется диалектными различиями в праязыке₂, но согласно классической компаративистской модели дивергировавший на диалекты праязык — это поздний этап развития ранее единообразного общего языка, не имевшего диалектного членения; именно эту стадию, единый общий язык, реальное существование которого постулируется компаративистской моделью языковой эволюции, и логично называть праязыком₂.

Графической интерпретацией этой модели служит генеалогическое древо — имеющий одну исходную вершину ориентированный «граф, в котором два и более узлов могут иметь единого предка, но никакой узел не может иметь более чем одного предка» [Бурлак, Старостин 2001: 47]. Каждый нетерминальный узел такого графа соответствует праязыку определенного уровня глубины, а все восходящие к нему терминальные узлы символизируют дочерние по отношению к этому праязыку языки, образующие некую общность (семью, ветвь, группу и т. п.).

Теоретически процесс реконструкции описывается следующим образом: «Уральский праязык — это результат компаративистской процедуры, проведенной над финно-угорским и самодийским реконструированными праязыками, которые сами являются результатом той же процедуры, проведенной над реконструкциями же: над праприбалтийско-финским, прасаамским, прамордовским, прамарийским, прапермским, праугорским и над прасеверносамодийским, праселькупским, прасаяносамодийским» [В. А. Дыбо 2003: 77]. Эта картина, с одной стороны, идеализированна (на практике компаративисты не дожидались и даже не испытывали нужды — по крайней мере поначалу — в реконструкции прамордовского или праселькупского, чтобы приступить к реконструкции вышестоящих праязыков), с другой — в качестве идеальной неполна; при классификации финно-угорских языков обычно упоминаются и промежуточные таксоны: *финно-пермские языки* рядоположены угорским, а *обско-угорские* — венгерскому (см., например, соответствующие статьи в ЛЭСе или генеалогические деревья этой семьи в «*Основах финно-угорского языкознания*» [1974: 38–39]).

Все упомянутые в предыдущем абзаце праязыки — это научные конструкты, праязыки₁. Им должны соответствовать постепенно все далее расходящиеся между собой цепочки непрерывных языковых традиций, представленные на синхронных срезах реальными праязыками₂, и ведущие от общеуральского₂ к, скажем, общехантыйскому₂ и общеэнецкому₂, — языкам реально не засвидетельствованным, однако породившим, в частности, современные хантыйские и энецкие диалекты. Существенно отметить, что скудость информации практически никогда не позволяет выяснить в деталях, что и как происходило с единой языковой традицией в ходе ее продвижения к более позднему таксономическому этапу, когда мы констатируем наличие двух (или нескольких) заведомо разошедшихся традиций.

Ранняя компаративистика исходила из того, что эволюция от праязыка₂ любой исторической глубины к современным языкам — процесс сугубо дивергентный. «Потом выяснилось, что такой путь сравнительно редок. Обычно диалекты, разграничиваясь в один период, снова сближаются впоследствии» [Шайкевич 1995: 206]. Древовидная модель эволюции языков представляет нам ее как дискретный процесс от одного узла к другому: отделившись от родственного, некий идиом выглядит как монолитный вплоть до дивергенции в следующем узле. Но говорить о подлинном единстве языковой традиции можно лишь в применении к моменту, который соотносится с самым началом ветви, исходящей из узла дивергенции. До следующего узла, когда языковой традиции предстоит «бесповоротно» разделиться на две или несколько самостоятельных, проходят многие сотни лет эволюции, в ходе которой языковая традиция уже не монолитна, а ее близкородственные варианты находятся в достаточно сложном дивергентно-конвергентном взаимодействии. Такое развитие представляется естественным не только для диалектов одного языка, но и для диалектов недавно разошедшихся языков. Диалект одного языка, оказавшийся волею судеб в сфере влияния другого (но близкородственного) языка, в ходе эволюционного процесса может постепенно стать диалектом этого последнего. Так, сотню лет назад восточнославянские говоры всей Витебской и запада Смоленской губ. обоснованно считались белорусскими, но те из них, что оказались на территории РСФСР, столь же обоснованно признаются сейчас (велико)русскими¹, точно так же нидерландские говоры района Эммерих—Везель—Гельдерн, окончательно оказавшегося с 1815 г. в составе Пруссии, постепенно перешли на положение немецких говоров, притом что в течение всего XIX в. литературный нидерландский кое-где продолжал использоваться как язык школы и церкви [Plank 1988].

Если мы будем принимать во внимание лишь языковые ситуации, разделенные большими промежутками времени, мы, вроде бы, вправе сказать, что некоторая популяция сменила один родной язык на другой: жители Велижского уезда, став подданными Екатерины II, говорили по-белорусски, а их отдаленные потомки, родившиеся при Б. Н. Ельцине, говорят по-русски, аналогичные перемены произошли и с языком крестьян из-под Гельдерна от времен Фридриха Вильгельма III до Г. Коля. Но при более подробной временной шкале совершенно

¹ БССР была образована 01.01.1919 из части Минской губ.; в 1924–1926 гг. ее территория поэтапно увеличивалась, однако вся бывшая Смоленская, три уезда Витебской (Себежский, Невельский, Велижский) и небольшая часть Могилевской губ. остались в составе РСФСР.

очевидна непрерывность языковой эволюции: не носители меняют язык, а сам язык меняется, причем во многих случаях столь медленно, что изменения не осознаются носителями.

Сходные процессы заведомо могли иметь место и в прошлом, в связи с чем факт существования некоторых праязыков₂ оказывается под сомнением. Вернемся к уральскому примеру. Вряд ли можно усмотреть основания для постулирования существования единого, диалектно не расчлененного обскоугорского праязыка₂ после миграции языковых предков современных венгров на запад. Реальность же обскоугорского единства связана с продолжением постоянных контактов территориально смежных этнических групп, говоривших на близкородственных идиомах; благодаря контактам здесь удерживались определенные ретенции и распространялись специфические инновации, которые и составляют суть «обскоугорских» характеристик современных языков. Неменьшие сомнения возникают и в существовании финноугорского праязыка₂ как единого идиома: еще в общеуральский период праязык₂ представлял собой диалектный континуум, причем «его „досаамодийские“ и „доугорские“ диалекты обладали рядом общих черт, которые отличали их от „допермских“ и особенно от „дофинно-волжских“ диалектов» [Хелимский 1991: 87], подробнее см. [Хелимский 1982].

Такое положение кажется вполне естественным, когда языковая эволюция происходит на едином пространстве, пусть и обширном, но, так сказать, «континуальном», не имеющем серьезных внутренних границ. Но конвергентные процессы, не позволяющие расклассифицировать родственные языки строго древовидным образом, характерны и для «дискретно» распространенных языков, например для островной Океании, см. [Беликов 1989].

Подобные факты, конечно, не новость для компаративистики; вот какое теоретическое осмысление получают они у одного из ведущих современных компаративистов. При исследовании близкородственных идиомов, реконструированные исторические взаимоотношения которых суммарно отражены на некоем генеалогическом древе, могут выявиться «следы архаического явления», в результате тщательного исследования его распределения по рассматриваемым идиомам производится их классификационная перегруппировка, и «мы получаем другое, причем, очевидно, более старое дерево с другими узлами» [А. В. Дыбо 2003: 62]. В этом контексте под *старым деревом* следует понимать такое, где исконные дивергентные процессы не затемнены последующими конвергенциями; именно оно должно отвечать идеалу компаративистской теории. А под *новым* — вероятно, такое дерево, на конфигурации которого отразилось взаимовлияние начавших расходиться близкородственных идиомов. Компаративистика всегда начинает с построения «новых»² деревьев. Позднее в отдельных (редких) случаях удается вскрыть детали исторических взаимоотношений между предками современных идиомов. Казалось бы, можно приступить к построению «старого» дерева, но эта задача в полном объеме оказывается неосуществимой.

Идея о разделении славянских языков на три группы в массовом сознании приобрела характер общего места. Однако специалисты с недавних пор считают положение более сложным: «родословное древо по отношению к славянским, как и применительно ко многим другим языкам, является удобным схематическим упрощением, но оно в очень малой степени отражает реальные исторические процессы развития диалектов» [Иванов 1990: 96]. Как альтернативу «новому» дереву с тремя подгруппами славянских языков Вяч. Вс. Иванов приводит «схему связей между диалектами праславянской языковой области», которая «тоже является условной, но для определенного периода (ок. сер. I-го тыс. и несколько ранее) она могла отвечать определенной исторической реальности» [ibid.]. Взаимоотношение семи узлов этой схемы с реально существующими через полторы тысячи лет их потомками таково, что попытка построения «старого» генеалогического дерева, отражающего «следы архаических явлений», обречена на неудачу. Остановлюсь лишь на одном пункте. Как было убедительно показано, севернокривичский диалект тысячу лет назад ни фонетически, ни морфологически не обладал особой близостью к другим диалектам восточнославянской территории, а «неосуществление второй палатализации»³ отличает древний севернокривичский диалект не только от восточнославянских, но и от всех прочих славянских вообще» [За-

² Чтобы избежать путаницы, термины «новое» и «старое» дерево, по А. В. Дыбо, ниже будут ставиться в кавычки.

³ Переход заднеязычных *k, *g, *x в свистящие, при отсутствии которого современным русским *целый* и *серый* соответствовали бы слова с начальными k и x. — В. Б.

лизняк 1995: 37]. Этот диалект не вымер, его традицию продолжают современные говоры значительной части Псковской и Новгородской областей, постепенно конвергировавшие с другими восточнославянскими говорами и в ходе формирования русского языка ставшие его частью. Появление севернокривичского узла на «старом» славянском дереве исторически оправдано, однако трудно надеяться, что все псковичи легко поверят в генеалогию, согласно которой их язык от языка тверитян и смолян отстоит столь же далеко (если не далее), как от языка жителей Праги и Сараева.

Сходной оказывается ситуация с любой разветвленной группировкой языков, если удастся провести ее детальный диахронический анализ. Вот еще один пример. По отражению различных черт арийского консонантизма древние иранские диалекты, представлявшие собой языковой континуум (и продолжающие их современные языки), образуют два типа группировок: по одному признаку «вычленяется центральный ареал и несколько маргинальных», по другому — «западная и восточная группы диалектов». При этом «лексический уровень показывает иное членение континуума» [ЭДЕЛЬМАН 2003: 181, 182].

Когда-то в начале 1970-х А. Б. Долгопольский на одной университетской лекции так образно охарактеризовал невозможность построения дивергентного дерева для разветвленной группы языков, современное состояние которых отражает многочисленные следы их взаимовлияний: «...у всех языков имеются генеалогические деревья, а у тюркских — генеалогический пень». Перефразируя, можно сказать: попытка преобразования «нового» генеалогического дерева в «старое» без обращения к конвергенции приводит к созданию генеалогического пня. По этой причине компаративисты избегают строить «старые» деревья, даже понимая условность многих узлов «новых»: «промежуточные праязыки являются некоторой схематизацией, полезной при формулировке выявленных генеалогической классификацией языков соотношений, но не обязательно отвечающей некоторой исторической реальности» [ИВАНОВ 1990₁: 96]. Последнее утверждение нуждается в уточнении: за такого рода «искусственными» праязыками₁ не стоят реальные праязыки₂, но историческая реальность не ограничивается фактически функционировавшими в прошлом языковыми системами; взаимодействие синхронно существовавших языков, приводившее к разного рода конвергентным явлениям, не менее реально. Именно подобными процессами и обусловлена специфика реконструируемых праязыков₁. Впрочем, такую «контактную реальность» понимать надо достаточно абстрактно: при реконструкции языковой эволюции нечасто удастся разнести разновременные явления, поэтому на классификациях современных языков, особенно исторически не документированных, отражается их некая суммарная панхронная контактная история, и именно ее выражением являются классификационные таксоны типа *обскоугорские языки* или *восточнославянские языки*. Сопоставим две приведенные выше цитаты из Вяч. Вс. Иванова: с одной стороны, «родословное древо (...) в очень малой степени отражает реальные исторические процессы», а с другой — оно полезно «при формулировке выявленных генеалогической классификацией языков соотношений». Второе справедливо именно потому, что классификационная дендрограмма очень хорошо суммарно отражает всякого рода реальные исторические процессы.

Правда, классификационная дендрограмма — это «новое» дерево, заметно отличное от идеального с точки зрения компаративистики «старого» родословного древа. Это разные объекты, причем первый для компаративистики — продукт побочный. В. А. Виноградов, проводя аналогию между эволюционными таксономиями в биологии и лингвистике, указывает, что «понятия „генетический“ и „генеалогический“, часто употребляемые в лингвистике как синонимы, в биологии различаются: первый предполагает изучение структуры организма в терминах генов (минимальных единиц функции), второй — изучение собственно филогенетической истории вида. По-видимому, разграничение этих понятий было бы полезно и в лингвистике, где генетический анализ означал бы тот аспект сравнительно-исторического изучения языков, который связан с установлением регулярных соответствий, а генеалогия — общую историю языков» [ВИНОГРАДОВ 1982: 260]. В этих терминах родословное (оно же «старое») древо — продукт генетического анализа, а генеалогическая классификация — отражение «общей истории языков».

Пока речь шла о языках, ретроспектива которых мыслится как непрерывное развитие некоей единой языковой традиции. Считается, что если бы мы могли совершить путешествие по времени от праиндоевропейского по каждой из его дочерних ветвей до современности, то ни-

где не обнаружили бы проблем во взаимопонимании между дедом и внуком или между ровесниками, говорящими на идиомах, срок разделения которых исчисляется десятилетиями.

Марк Твен и его современник Р. Киплинг вряд ли испытывали серьезные затруднения при чтении произведений друг друга или английских фольклорных текстов, рождавшихся по обе стороны Атлантики. Однако едва ли кто-то из них без перевода или серьезной предварительной подготовки полностью понял бы смысл такого образчика народной лирики начала XX в. [Laycock 1977: 61]:

Yu meri wantok,
Yu giamanim mi tasol.
Yu raitim nem bilong mi
Ananit long lek bilong yu⁴.

Самые ранние следы зарождения «ответвления английского», на котором написаны эти поэтичные строки, появились при жизни родителей Марка Твена и Р. Киплинга, а как самостоятельный язык он сформировался уже после того, как младший из двух современников стал публиковаться; к концу жизни классиков этот язык — ток-писин стал языком повседневного бытового общения части населения Новой Гвинеи, языком церкви и администрирования.

О непрерывности языковой традиции тут говорить не приходится.

Ток-писин относится к числу креольских языков⁵ — типу «смешанных» языков, понаслышке известному всем лингвистам. Креольские языки, как и смешанные языки других типов, обычно выпадают из общих обзоров типа «классификация языков мира», поскольку в таких текстах всегда излагаются генеалогические схемы языковых семей, а размещение этих языков по генеалогическим деревьям сопряжено с очевидными натяжками. Игнорирование компаративистикой этих языков лишь отчасти связано с тем, что им трудно подобрать место в классификации, главное то, что они равным счетом ничего не могут дать для реконструкции праязыков разного уровня, поэтому компаративистам совсем неинтересны⁶. Креолисты отвечают компаративистике взаимностью: рассуждая о родственных связях креольских языков, они абсолютно игнорируют парадигму сравнительно-исторического языкознания и имеют свои (и разные) взгляды на то, что следует называть родством.

Дело в том, что креольские и другие контактные языки (о которых речь пойдет далее) есть результат слияния исторически не связанных языковых традиций, причем в случае креольских языков эти традиции нельзя считать непрерывными.

При эволюции единой языковой традиции для повторного слияния двух начавших расходиться идиомов требуется их взаимопонимание. Но взаимопонимание обусловлено не столько сходством двух идиомов, сколько языковой ситуацией, в которой оказались их носители. Монолингвам для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы единственно известные им идиомы действительно были очень близки, чуть ли не тождественны, минимальный опыт межъязыковой коммуникации быстро «портит» монолингва, у него появляются навыки восприятия иного идиома, то есть навыки билингвизма. Билингвы же достигают взаимопонимания независимо от материального и типологического сходства используемых ими языков. Взаимопонимание, если оно массовое, часто ведет к взаимосближению. При конвергенции генетически далеких или условно неродственных языковых традиций (различных *языков*, не *диалектов*) происходит их типологическое и материальное схождение. Оно может быть односторонним или в различной степени взаимным (тут уместно вспомнить такие термины, как *заимствование*, *языковой союз*, *субстрат*, *суперстрат* и т. п.). Из периода такого взаимодействия языко-

⁴ Вот перевод, близкий к буквальному: *Ты, женщина моего народа, ты обманула меня, вот и все. [А ведь] ты написала мое имя на внутренней поверхности своих бедер.*

⁵ Строго говоря, основания считать ток-писин креольским языком появляются лишь во второй половине XX в., но при обсуждении генетической квалификации контактных языков противопоставление *креолов* и *расширенных пиджинов* оказывается несущественным, так же как и противопоставление путей приобретения «креольского статуса» — *постепенная креолизация vs. резкая креолизация*. Содержание этих терминов будет уточнено ниже.

⁶ Точнее, они бесполезны для «частных компаративистик»: креолы, обязанные своим происхождением индоевропейским языкам, не помогают индоевропеистике и т. п. Но сами креольские языки в ряде случаев оказываются сгруппированными в семейства, все члены которых восходят к единому пиджину; исследование взаимоотношений членов таких семейств для теоретической компаративистики могло бы быть небезынтересным.

вые традиции выходят с разной степенью «чистоты» и жизнеспособности, вплоть до прекращения существования одной из них. Но в отдельных случаях сближение различных языковых традиций приводит к их слиянию. Наиболее распространенный тип такого слияния — образование функционально ограниченных языков межэтнической коммуникации, пиджинов.

Пиджины не результат полноценного двуязычия, а альтернатива ему. Они возникают для решения ограниченных коммуникативных задач при отсутствии готового инструмента, пригодного для этой цели. Каждая из контактирующих сторон пытается использовать по возможности упрощенную форму известного ей языка, при этом готовность идти на уступки в пользу варианта, предлагаемого контрагентом, зависит от заинтересованности в эффективности коммуникации. В результирующем смешанном языке преобладает компонент, связанный с языком менее заинтересованной стороны. Однако «выстраивает» новую языковую систему именно наиболее заинтересованная («побежденная» в языковом отношении) сторона, чей вклад в новую языковую систему оказывается также значительным. Дальнейшие судьбы пиджинов могут быть различны, нас интересует тот путь, на котором они превращаются в функционально полноценные языки. Это происходит, когда для некоторого социума пиджин становится единственным языком внутригруппового общения; в его рамках такой *расширенный* (*extended*, или *expanded*) пиджин начинает обслуживать все коммуникативные потребности, обычно *креолизуясь*, то есть становясь родным (усваиваемым в младенчестве) языком⁷. Креолизации может подвергнуться не только расширенный пиджин, но и более ранние стадии его развития, в том числе и начальная («жаргонная»)». ⁸

До начала расширения/креолизации пиджин располагает максимум тремя-четырьмя сотнями корней, большая их часть восходит к одному языку — *лексификатору*; этот бедный «пракреольский» словарь включает не более 70–80 единиц из списка Сводеша. Дальнейшее наращивание лексикона идет за счет внутренних ресурсов, «естественных» ономастопоэтических образований и заимствований [Беликов 1991₂]. Кроме престижного суперстратного языка-лексификатора источником заимствований (не только лексических) становятся также родные для носителей нового языка субстратные языки. Последних, как правило, много, вклад каждого не особенно заметен⁹, но обычно они оказываются родственны и/или типологически близки, поэтому осмысленно говорить об их суммарном влиянии на структуру контактного языка. Если контакт бывшего пиджина с лексификатором продолжается, то в процессе заимствования происходит регуляризация звуковых корреспондентов и грамматическая «подстройка» под престижный язык. В конце концов конвергентное взаимодействие креола с языком-лексификатором может перевести его на положение чего-то близкого к диалекту этого последнего. Креолы часто попадают в поле зрения лингвистов только на этой стадии. Но есть радикальные креолы, которые разрывают связь с лексификатором на время или навсегда. В приложении приведены 100-словные списки двух таких языков.

Сарамакка креолизовался в джунглях Суринама на рубеже XVII–XVIII вв. среди беглых рабов, язык общения которых подвергся «двойному смешению»: большинство из них прибыло в Суринам с опытом общения на английском пиджине, а на плантациях осваивало местный португальский креол, который был родным языком меньшинства «лесных негров». Результатом конвергенции стал новый креол, где единицы португальского и английского происхождения численно соотносятся как 1 : 2. Языком административного управления Суринама тогда и позднее был голландский. Ток-писин восходит к сложившемуся к середине XIX в. в южной части Тихого океана английскому пиджину бичламар, процесс его медленной креолизации начался также при доминировании английского языка, но до этого в начале XX в. при германской администрации на Новой Гвинее ток-писин уже перешел на стадию расширенного пи-

⁷ В ряде языковых ситуаций первые носители креольской разновидности такого контактного языка становятся дву- и многоязычными, часто в детстве, но это не меняет сути: креольский язык остается их родным языком, пусть и наряду с другими.

⁸ Последний случай называется *резкой креолизацией* (*early creolization* у Д. Биккертона, *abrupt creolization* у С. Томасон), которой противопоставлена *постепенная* (*gradual*) *креолизация*.

⁹ Редким исключением является креол бербис (на р. Бербис, восток Гайяны), где в 100-словном списке Сводеша 57 единиц этимологизируются из нидерландского и 38 — из восточного иджо (Нигерия) [KOWENBERG 1996:1351]. Подчеркну, что такие подсчеты креолистов не дают оснований для лексико-статистических оценок; «этимологизируются из» вовсе не означает, что эти единицы совпадают с таковыми в языке-источнике: как увидим ниже, семантические отличия могут быть разительными.

джина. В позднем ток-писине началась фонетическая и семантическая «подстройка» под английский, однако на базисной лексике она мало отразилась.

Фонетические соответствия между языком-лексификатором и радикальным креолом далеки от регулярности, ср. передачу английского дифтонга в ток-писине и сарамакка то как *o* (*ó*), то как *u* (*ú*):

английский	ток-писин	сарамакка	значение	№
<i>bone</i> ['bəʊn]	<i>bun</i>	<i>bónu</i>	‘кость’	(10) ¹⁰
<i>nose</i> ['nəʊz]	<i>nus</i>	<i>núsu</i>	‘нос’	(61)
<i>smoke</i> ['sməʊk]	<i>smok</i>	<i>sumúku</i>	‘дым’	(78)
<i>stone</i> ['stəʊn]	<i>ston</i>	<i>sitónu</i>	‘камень’	(81)

В стословном списке немало свидетельств того, что создатели пиджина, весьма приблизительно восприняв форму некоторой частотной единицы целевого языка, наполняли ее столь же приблизительно с точки зрения лексификатора семантикой. В родовом значении ‘птица’ (6) в обоих языках используются единицы, имеющие в лексификаторе более конкретную семантику. Глаголы ‘сидеть’ (74) и ‘стоять’ (79) восходят к приказам *sit down!*, *stand up!*. Угроза *убить* со стороны носителя языка-лексификатора обычно заканчивалась лишь нанесением побоев, поэтому неудивительно, что глагол *kilim* приобрел в ток-писине значение ‘бить’, в значение же ‘убить’ (43) используется *mekim i dai* (букв. «сделать мертвым») или же *kilim i dai* (‘избить до смерти’). Этимологом для слова со значением ‘полный’ (32) послужило выражение *full up* ‘переполненный, битком набитый’. Вопросительные местоимения восходят к готовым фразам: *wanem* (< *what name?*) ‘что’ (96) и *husat* (< *who's that?*) ‘кто’ (98). В ситуации складывания пиджина коммуникативная потребность в понятии ‘готовить пищу’ появляется раньше, чем в глаголе ‘жечь’, неудивительно, что способ выражения второго понятия (12) восходит к первому (ср. *Paya i kukim haus* ‘пожар сжег дом’). Обозначение единичного объекта может восходить к форме множественного числа, если таковое более употребимо (т.-п. ‘зуб’ (89) — *tit* < *teeth*, сарам. ‘ухо’ (21) — *jési* < *ears*). Специфика контактной ситуации проявляется в том, что «эталон», доступный первым носителям пиджина, часто оказывается далеким от нормативного языка-лексификатора. Носители последнего в процессе коммуникации широко использовали метафору, часто пейоративную, создатели же пиджина «вычисляли» семантику, исходя из общечеловеческих допущений и понятийной структуры собственных языков, не осознавая ни метафоричности, ни пейоративности. К результатам этого процесса в стословном списке относится наполнение внешней оболочки стандартного английского имени *Mary* семантикой «женщина вообще» (99)¹¹. Сходных единиц немало и за пределами стословного списка, ср. *manki* ‘мальчик, не прошедший обряда инициации’ (из *monkey* ‘обезьяна’), *bagarapim* ‘сломать, испортить, вывести из строя’ (из слэнгового *bugger up* ‘загубить, испортить’ от *bugger* ‘заниматься содомией’).

Стословный список хорошо иллюстрирует способ, каким развивающийся язык «набирает» лексикон. Здесь широко представлены единицы со значительным расширением семантики, в обоих языках одинаково выражаются единицы ‘кусать’ (7) и ‘есть’ (23), ‘кора’ (3) и ‘кожа’ (75), при необходимости вносится конкретизация: так, собственно ‘кора’ может «уточняться» как *skin bilong diwai* и *páu kákisa* (ср. №90, ‘дерево’: т.-п. *diwai*, сарам. *páu*). Такого рода «уточнения» возможны и для других единиц стословного списка, но их параллели находятся за его пределами. Так, в ток-писине *gras*, *sit* и *skru* «сохраняют» значения этимологов (‘трава’, ‘экскременты’ и ‘винт, винтовое соединение’, откуда ‘сустав’), а для значений ‘перо’ (27), ‘волосы’ (36), ‘пепел’ (2), ‘колени’ (44) возможны «уточненные» номинации *gras bilong pisin* (букв. ‘«трава» птицы’), *gras bilong het* (букв. ‘«трава» головы’), *sit bilong paia* (букв. ‘«экскременты» огня’), *skru bilong lek* (букв. ‘сустав ноги’)¹². Очевидно, первоначально у этих и подобных единиц было лишь то узкое значение, в котором имела коммуникативная потребность на стадии раннего пиджина (‘есть’, ‘кожа’ ‘трава’ и т. п.).

¹⁰ Здесь и ниже в круглых скобках приводится номер единицы стословного списка.

¹¹ Слово *meri* обозначает также любую особь женского пола, ср. *bulmakau meri* ‘корова’, *pukpuk meri* ‘самка крокодила’; исключение сделано лишь для европейской женщины, которая всегда именуется *misis*.

¹² Ср. также *gras bilong solwara* ‘водоросль’ (*solwara* — ‘море’, из *salt* + *water*), *i gat gras* ‘быть волосатым, покрытым шерстью’ (*gat* — ‘иметь’), *sit bilong lam* ‘сажа’ (*lam* — лампа), *skru bilong han* ‘локоть’ (*han* — ‘рука’), *mama bilong skru* ‘гайка’ (*mama* — ‘мать, бабка, тетка по отцу’).

В развивающемся пиджине нужда в обозначении культурных артефактов могла возникнуть раньше, чем появились стандартные способы именованья многого из того, что компаративисты вполне обоснованно относят к базисной лексике. В результате в ток-писине этимонами для представленных в стословном списке единиц 'сердце' (40) и 'рог' (41) послужили слова со значением 'часы' и 'гребенка', ср. еще *banis* (из англ. *fence*) 'забор', а также 'грудная клетка, ребро'. Такая неожиданная метафорика не чужда и языкам с непрерывной традицией, где она характерна в первую очередь для эмоционально окрашенного просторечия и жаргонов, ср.: *кумпол* и *котелок* 'голова', *грабки/грабли* 'руки', *шары* 'глаза' и т. п., но тут они имеют достаточно жесткую контекстуальную привязку типа фразеологической: *по кумполу получают* или *бьют*, *котелок не варит*, *грабки тянут*, *шары вылупляют*, но, скажем, сочетания [?]*прикрыть шары*, [?]*бить по котелку* или [?]*почесать кумпол левой грабкой* вряд ли допустимы (*чешут* обычно *репу*, причем без заполнения инструментальной валентности). Нормативными стандартными обозначениями соответствующих частей тела подобные слова становятся исключительно редко¹³, неслучайно в откровенно прескриптивном первом издании словаря ОЖЕГОВА¹⁴ [1949] нет ни одного из упомянутых слов, в менее ригористичном МАСе *котелок* в этом значении имеет помету *прост.*, *шары* — *груб. прост.*, но *грабки/грабли*, *кумпол*, *репа* отсутствуют¹⁵.

Следует иметь в виду, что многие случаи экзотической с точки зрения языка-лексификатора компоновки сем в одну лексему обязаны своим существованием не столько метафорическому расширению значения, сколько устройству понятийной структуры субстратных языков. Например, объединение сем *кора* и *кожа* в одной лексической единице — вполне стандартное явление для многих языков Африки и Океании, так что слова *skin* и *kákisa*, начав на ранней стадии формирования соответствующих языков употребляться в значении 'кожа', в сознании носителей складывающихся языков уже с самого начала обозначали также и кору дерева. В других случаях семантика единого понятия языка-лексификатора с точки зрения структуры субстратных языков оказывалась недопустимо обобщенной в сравнении с понятийной структурой субстратных языков, и, несмотря на предельную словарную бедность раннего пиджина, в нем появлялись излишние на взгляд европейца «дублеты». Так, характерное для ток-писина противопоставление инклюзивного местоимения *yumi* эксклюзивному *mipela* фиксируется уже в раннем бичламаре [Беликов 1998: 66–69], при этом «строительный материал» для материализации субстратной семантики берется из языка-лексификатора (*you, me, fellow*). Ярче всего субстратный характер семантики креольских языков проявляется в хорошо структурированных лексических подсистемах. Вот один пример: создатели ток-писина усвоили внешние оболочки английских слов *brother* и *sister*, но наполнили их более привычным содержанием: *brata* переводится как 'брат (мужчины), сестра (женщины)', а *susa* — как 'брат (женщины), сестра (мужчины)'¹⁶. Сходным образом дело обстоит и с грамматическими элементами, формально восходящими к лексификатору, но содержательно отражающими структуру субстратных языков, например, суффикс транзитивности *-im* в ток-писине (19, 33, 39, 72) восходит к английскому местоимению *him* 'его', но содержательно соответствует рефлексам праокеанийского **-aki* в родных языках большинства создателей контактного языка. Выбор между транзитивной и нетранзитивной формой глагола (да и вообще его употребление) обусловлен концептуальной структурой мира океанийцев и часто далек от того, как употребляется в лексификаторе формальный этимон. Например, гла-

¹³ Ср. русск. *глаз*, первоначально значившее как раз 'шарик'.

¹⁴ В разделе «От редакции» словарь назван «общедоступным пособием, которое призвано содействовать повышению культуры речи широких народных масс» [Ожегов 1949: III].

¹⁵ В созданном на основе МАСа «Большом толковом словаре», претендующем на включение «лексикой всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционирует русский язык на протяжении всего 20 века», в том числе и единиц, для которых характерно «фактическое использование (...) в устной речи» [БТС 1998: 3], стилистическая норма менее строга: *прост.* превращается в *разг.*, *груб. прост.* — в *разг.-сниж.*; к слову *репа* без помет появляется пояснение «о глупой, плохо соображающей голове» (и семантическое ограничение, и отсутствие пометы вряд ли можно считать лексикографической удачей), слов *кумпол* и *грабки* (а также менее маркированного *грабли*) нет по-прежнему.

¹⁶ Глагол *переводится* использован неслучайно: с европейской точки зрения слова *brata* и *susa* многозначны, однако в действительности это не так, *brata* в с е г д а обозначает сиблинга того же пола, а *susa* — сиблинга противоположного пола.

гол *dring(-im)* 'пить' в словосочетании *dring susu* 'сосать грудь' оказывается непреходным и выступает в бессуффиксальной форме, поскольку *susu* 'грудь', не поглощаясь в процессе «питья», не является прямым объектом. В других контекстах это переходный глагол: *dringim sup* 'есть суп', *dringim suga* 'жевать сахарный тростник', *dringim smok* 'курить'.

Итак, для обоих рассматриваемых языков связь с английским бесспорна, но какова она? В рамках собственно компаративистики проблема родственных связей креолов практически не обсуждается, зато среди креолистов начиная с 1950-х годов идет непрерывная дискуссия на эту тему. Д. Тейлор возродил идеи Г. Шухардта о двойном родстве креольских языков, утверждая, что от одного «родителя» они получают в наследство словарь, а от другого — грамматику [Тейлор 1972: 492]. Родство первого типа он предлагал называть генетическим, а родство второго типа — глубинным (*basic*). Р. Холл [1972] и У. Вайнрайх [1972] не видели достаточных оснований для противопоставления креолов языкам иного генезиса и настаивали на индоевропейском характере вест-индских креолов. Структурное, а иногда и материальное сходство в грамматике англо- и франкокреольских языков Антильских островов Р. Холл объяснял в первую очередь схожим африканским субстратом, а У. Вайнрайх — конвергентными процессами. Р. Томпсон [1972] даже выдвинул гипотезу о родстве всех креольских языков между собой и возможности возвести общекреольскую грамматику к раннему португальскому морскому пиджину, а через него — к средневековому средиземноморскому пиджину, известному как сабир, или лингва-франка. Происходившая при этом многократная смена основной части словаря при сохранявшейся в основном неизменной грамматической структуре получила наименование релексификации. Противники теории релексификации считали креолы специфическим результатом эволюции соответствующих романских и германских языков; для объяснения структурных отличий от португальского, французского, голландского и других участвовавших в этом процессе языков был введен термин *реграмматикализация*, под которой понималась смена грамматики при сохранении словаря. Дискуссия о родственных связях креольских языков продолжается по сей день, ее участники находят все новые аргументы и контраргументы. Начиная с конца 1970-х акцент сдвинулся на обсуждения генезиса грамматических систем; традиционным точкам зрения была противопоставлена гипотеза биопрограммы Д. Биккертона [BICKERTON 1977; 1981; 1988], согласно которой важнейшие структурные характеристики «подлинных» креолов, восходящих к ранним нестабильным пиджинам, имеют своим истоком генетически обусловленные принципы устройства человеческого языка¹⁷.

Конечно, ни «глубинное родство» по Тейлору, ни «грамматическое родство» языков, прошедших релексификацию, с точки зрения сравнительно-исторического языкознания родством не называется. Является ли родством связь креольского языка с его лексификатором — вопрос непростой. Для выявления родства компаративистика требует регулярности фонетических соответствий, в первую очередь на основном словарном фонде, причем отсеиваются любые заимствования, в том числе и из родственных языков; сходство грамматических формантов желательно, но совсем необязательно; степень родства между языками принято оценивать по числу закономерных совпадений в списке Сводеша (опять же без учета заимствований).

Сложности начинаются с отделением исконной лексики от заимствований; чтобы это сделать, исследователь должен располагать детальными сведениями о составе лексикона контактного языка на тот момент, с которого он склонен отсчитывать его историю как самостоятельной языковой системы. Ясно, что креолизовавшийся или расширенный пиджин являются таковыми, но их диахроническая ретроспектива континуальна вплоть до начальной стадии возникающего пиджина, когда его фонетика и лексика не сложились еще в устойчивую систему. Достаточно полные сведения о словарях стабильных пиджинов немногочисленны, но имеющиеся данные однозначно указывают: эти языки не располагают всеми единицами списка Сводеша. На достаточ-

¹⁷ Гипотеза Биккертона пережила пик популярности; по мнению С. Томасон, сейчас она «считается жизнеспособной теорией в основном среди формально-ориентированных лингвистов, не занимающихся креолистикой» [THOMASON 2001: 178]. Для Биккертона вопрос о родстве креольских языков не стоит: онтогенез креольской грамматики повторяет филогенез языка человечества, и перед значительностью этого события вопрос о происхождении лексических наполнителей генетически заданных универсальных грамматических структур оказывается попросту нерелевантным.

но позднее появление ряда базисных слов указывает и типологический анализ лексикона ряда независимо возникших креолов [Беликов 1987]¹⁸. На рассматриваемом материале весьма вероятно позднее появление единиц 'колено' (45) и 'кровь' (9); первое в ток-писине обозначается перифрастически, а в сарамакка заимствовано из нидерландского *knie*; второе в обоих языках заимствовано, соответственно, из нем. *Blut* и нидерл. *bloed* (если слова креолов возводить к англ. *blood* ['bld], придется постулировать неожиданный и нигде более не отмеченный переход [ʌ] > [u]).

Другой вопрос: насколько правомерно сопоставлять контактные языки с нормативными вариантами лексификаторов? Эталоном при создании пиджинов были не они, а их диалектно и жаргонно окрашенные «родственники», стословные списки которых могли иметь свою специфику. Соотношение слов *pluma* и *pena* в нормативном португальском известно: преобладает второе, в двуязычных словарях оно всегда оказывается первым, изредка единственным переводом слов типа *feather*, *перо* и т. п., однако мы не знаем, каково было положение в территориальных и социальных вариантах португальского языка XVI–XVII вв., служивших лексификаторами для контактных языков. Между тем, ставим ли мы «плюс» при сопоставлении срм. *puúma* (27) с его португальским эквивалентом, зависит именно от этого¹⁹.

При анализе единиц *save* (45) и *pikinini* (73) в ток-писине велик соблазн не считать их восходящими к языку-лексификатору. Соответствующие слова находятся на периферии общеанглийского словаря, о чем говорят и колебания в орфографии: *savvy* ~ *savvey* 'понимать' и *pickaninny* ~ *picaninny* ~ *piccaninny* 'негритенок' (часто воспринимается как «неполиткорректное»), оба имеют иберороманскую этимологию; по ВЕБСТЕРУ, первое фиксируется с 1785, второе — с 1653 г. Однако не исключено, что в жаргонах английских моряков Нового времени оба слова входили в основной словарный фонд и именно из этого регистра проникли в «общий» словарь²⁰. Соответствующие единицы имеются во всех англокреольских языках Атлантики в значении 'знать' и 'маленький' и/или 'ребенок'; их первоисточником явно служил португальский пиджин, но дальнейшее направление воздействия установить здесь невозможно (в английский морской жаргон через английские пиджины или наоборот). Что касается тихоокеанских креолов, здесь все ясно: оба слова в значениях 'знать' и 'ребенок' отмечены в прибрежном тихоокеанском пиджине середины XIX в. и представлены во всех его потомках (ток-писин, бислама Новых Гебрид, пиджин Соломоновых островов²¹, брокен Торресова пролива, североавстралийский криол) [CLARK 1979]; [Беликов 1998: 66–68]. Таким образом, *save* (45) ток-писина соответствует *savvy* лексификатора, как и *pikinini* в значении 'ребенок', однако то же слово в значении 'семя' (73) — инновация ток-писина, призванная заполнить лексическую лауну раннего пиджина²².

Вышесказанное показывает известную условность лексико-статистических сопоставлений контактных языков и их лексификаторов, но если по возможности аккуратно такие подсчеты произвести, то английский окажется в равной степени лексически близким ток-писину и другим германским (около 70% совпадений), а уровень близости ток-писина с датским или немецким на 20% ниже. Попарные сопоставления между английским, русским и таджикским

¹⁸ Любопытно, что словарные лакуны в зарождающемся и в вымирающем языке оказываются сходны: первыми забываются как раз те единицы, которые отсутствуют в ранних пиджинах [POLINSKY 1996].

¹⁹ Ср. сложности при выборе эквивалента единице *belly* (4) для восточнославянских диалектов: *живот* ~ *брюхо* ~ *пузо* ([С. Л. Николаев: устное сообщение]).

²⁰ Над речью относительно замкнутого профессионального сообщества не особенно довлела необходимость придерживаться стандарта, и здесь действовал обычный для жаргона закон: семантически стертые частотные слова легко вытеснялись эмоционально притягательными заимствованиями. П. Мюльхойслер приводит наблюдение очевидца, хотя и относящееся к ситуации на Тихом океане в XIX в., однако общезначимое: «Капитан и команда забавляются смешением языков. Они слышат то или иное чужое слово и начинают его использовать вместо соответствующего английского. Так, на нашем корабле вместо 'быстро' всегда говорят *quillequille*, вместо 'есть' — *kaikai*, вместо 'мясо' — *bulmakau* и так далее» [MÜHLHÄUSLER 1986: 98]; напомним, что единицы 'есть' и 'мясо' входят в 100-словный список.

²¹ Это креолизовавшийся расширенный пиджин с самоназванием *Pijin*.

²² Различить значения *pikinini* помогает контекст, ср.: *pikinini bilong sayor* 'овощные семена', *pikinini paul* 'цыпленок', *no save karim pikinini* 'быть бездетным' (букв. 'не уметь приносить (= рожать) детей'); как видно из последнего примера, глагол *save* также многозначный, ср. еще значения 'понимать', 'иметь обыкновение': *Mi save pinis* 'Я понял', *Mi no save giaman* 'Я не имею обыкновения врать', *Yu save smok?* 'ты куришь?'

дают 27–32 %, а сравнение ток-писина с русским и таджикским — 20–21 %. «Не зная истории формирования неомеланезийских языков [англокреольских языков юго-запада бассейна Тихого океана], подобную картину можно проинтерпретировать единственным образом: пранеомеланезийский отделился от общеиндоевропейского ранее расхождения между собой остальных групп (...) Существенная близость неомеланезийского словаря к германскому — результат сильного и длительного английского влияния» [Беликов 1991: 103–104].

Существенно отметить, что «английский» («германский», «индоевропейский») характер знаменательных и служебных морфем радикальных креолов касается в первую очередь плана выражения. Структуры значений отдельных лексических и грамматических единиц, как и структуры семантических полей, повторяют в контактных языках не соответствующие структуры языков-лексификаторов, а структуры субстратных языков. В таких условиях связь креольских языков с лексификаторами не хочется называть генетической.

Выше говорилось, что исходным пунктом для конвергенции, приводящей к возникновению креольских языков, служат начальные стадии формирования ситуации двуязычия, когда более заинтересованная в коммуникации сторона не стала продвигаться в освоении языка партнеров далее первого шага, поскольку минимальные коммуникативные задачи были решены. Другие типы контактных языков являются продуктом полноценного двуязычия. Относительно недавно они получили общее наименование «переплетенные» (intertwined) языки [ARENDS & al. 1994]²³. Все эти языки представляют собой результат конвергенции неродственных языковых традиций, причем каждая сохранилась в результирующем смешанном языке в отчетливо опознаваемом виде.

Ранее других из числа «переплетенных» языков в научный оборот были вовлечены некоторые цыганские криптолекты, сохранившие собственный основной словарный фонд, но использующие грамматику языка окружающего населения, «греческого, английского, датского, шведского, норвежского, окситанского, французского, испанского, бразильского португальского, каталанского, баскского, турецкого и западноармянского» [ВАККЕР, МУЙСКЕН 1994: 47]. Функционально эти «языки» вроде бы соответствуют искусственным тайным языкам типа офенского, близка и их структура, ср. пример из текста на **англоромани**, записанного в конце XIX в. [ВАККЕР, МУЙСКЕН 1994: 41]:

Palla bish besh-es apopli the Beng wel'd and pen'd: Av with man-di.
Через 20 лет-PL снова DEF Дьявол пришел и сказал: пойдём с я-DAT

Генезис таких цыганских «языков» не вполне ясен; по-видимому, их все же можно считать искусственными образованиями в том смысле, что неизвестная окружающим лексика намеренно сохранялась с конспиративными целями. Только что приведенный пример, будучи фрагментом сказки, может использоваться как контраргумент. Но, во-первых, об аутентичности текста можно говорить, лишь зная мелкие детали, сопровождавшие его порождение, поскольку в число полевых записей не так уж редко попадают тексты, специально сконструированные для исследователя и естественным образом никогда не порождаемые. Ср. запись несколько надуманного содержания, впервые опубликованную в 1820 г. и с тех пор часто встречающуюся в работах по офенскому языку: *Масу зетил ёный ховряк, в хлябом костре Москве мастырится клёвая оклюга. На мастырку эбетой биряют скень юс. Поерчим на масовском остряке и повершаем да пулим шивару* 'Мне сказывал один господин, что в столичном городе Москве строится чудесная церковь, на устройство которой делаются чрезвычайные пожертвования. Поедем и мы (туда) на моей лошади и посмотрим да купим товару' (цит. по: [БОНДАЛЕТОВ 1974: 77]). Во-вторых, собственный фольклор может существовать и в таких языках, искусственный характер которых не вызывает сомнений, ср. приводимые В. Д. Бондалетовым образцы песенного творчества на офенском «языке» владимирских коробейников, масовском «языке» одоевских торговцев, жгонском «языке» костромских шерстобитов [ивид.: 78–81]; «на спор» на эти «языки» могли переводиться и общерусские песни [ивид.: 19].

Символическая ценность языков типа англоромани как средства выражения групповой идентичности и их использование в этнически однородной среде также мало о чем говорит, поскольку то же самое характерно и для языков заведомо искусственных. Мало того, в определенных стереотипных ситуациях употребление искусственного языка было, по-видимому,

²³ П. Муйскен называет автором термина Н. Смита [MUYSKEN 2001:481].

обязательным. Ср. описание ситуации проводов офеней в дорогу, которую этнограф назвал бы совершением обряда перехода из мира *своих* во внешний мир *чужих*: «Хозяин ⟨...⟩ распоряжаясь угощением ⟨...⟩ выражается уже на искусственном офенском языке: „Поханка, привандай масыгам гомыры похлябе ⟨...⟩“» [Гольшев 1880].

В пользу искусственности языков типа англоромани у нас есть лишь один довод — существенная, возможно, ведущая роль функции сокрытия информации в их функциональном спектре. Что же касается генезиса неанглийской (неиспанской и т. д.) части их лексиконов, то тут важно помнить, что ее передача от поколения к поколению шла естественным путем и цыганская ее подсистема представляет собой результат эволюции непрерывной языковой традиции, в конечном счете восходящей к праиндоевропейскому.

Среди языков сходной структуры есть такие, которые не имеют «засекречивающей» функции. Примером может служить язык **эйну**, использующийся во внутригрупповой коммуникации небольшой этнической общности, живущей на востоке Китая в ряде пунктов вдоль южной ветви Великого шелкового пути от Кашгара до Хотана (на значительном расстоянии не только от персидско-таджикского региона, но и от ираноязычного ареала в целом). Все эйну двуязычны, еще в детстве усваивают уйгурский язык, которым они пользуются при любых внешних контактах. С фонологической и грамматической точек зрения язык эйну вполне укладывается в рамки уйгурского, диалектом которого он одно время считался. Характерно, например, сингармонически обусловленное распределение заимствованных из уйгурского показателей: *-lar/-ler* (мн. ч.), *-da/-de/-ta/-te* (локатив), *-raq/-rek* (сравнительная степень) и т. д. [LEE-SMITH 1996, 856], ср.:

эйну	уйгурский	значение
<i>xana-da</i>	<i>öj-de</i>	‘в доме’
<i>šeb-de</i>	<i>keč-te</i>	‘ночью’
<i>xurd-raq</i>	<i>kičik-rek</i>	‘меньше’
<i>kemte-rek</i>	<i>az-raq</i>	‘моложе’

Хотя практически все служебные морфемы эйну функционально и материально соответствуют уйгурским, взаимопонимание между двумя языками исключено в силу доминирования в эйну персидской лексики. Из 24 единиц стословного списка, встретившихся в процитированной работе, 15 персидских (*uštur* ‘живот’, *kalaŋ* ‘большой’, *xor-* ‘есть’, *ateš* ‘огонь’, *ser* ‘голова’, *bisjar* ‘много’, *kox* ‘гора’, *šeb* ‘ночь’, *nis* ‘нет’, *ječ* ‘один’, *kes* ‘человек’, *xurd* ‘маленький’, *saŋ* ‘камень’, *du* ‘два’, *ab* ‘вода’) и 6 уйгурских (*mən* ‘я’, *awu* ~ *ewu* / *ašu* ~ *ešu* ‘тот’, *bu* ‘этот’, *sen* ‘ты’, *nime* ‘что’, *kim* ‘кто’). Несмотря на ярко выраженную агглютинацию и сингармонизм, эйну придется признать индоевропейским (а именно иранским) языком. Если воспользоваться 35-элементным списком Яхонтова, соотношение иранских и тюркских элементов будет 6 : 6 (к подчеркнутым иранским добавится отсутствующее у Сводеша *bad* ‘ветер’).

Генезис эйну вполне ясен: персидский идиом, на протяжении многих столетий испытывавший сильную тюркскую интерференцию, в конце концов почти лишился исходной грамматики и половины базовой лексики. Происхождение тех или иных элементов языковой структуры эйну практически всегда очевидно, однако способ формирования из них единой системы характерен только для этого языка, и вопрос о его генетической принадлежности остается неопределенным; имея полный стословный список, формально его решить будет просто, но любое решение вызовет и у иранистов, и у тюркологов известное неудовольствие.

Еще более последовательно разведены словарь и грамматика в языке **медиаленгва** (центральный Эквадор). Совершенно очевидно, что лексически медиаленгва — ответвление испанского²⁴, но, даже не вникая в суть его агглютинативной морфологии и синтаксиса, еще более очевидно, что это всего лишь язык кечуа с испанским наполнением, ср. следующий пример [MUYSKEN 1997: 365], AC — аккузатив, NM — номинализатор, BN — бенефактив, PR — прогрессив, I — 1-е лицо:

²⁴ Приводимый П. Мюйскеном фрагмент базового словаря медиаленгва [1997: 421–423] содержит 51 единицу стословного списка Сводеша, среди них лишь 7 совпадают с местным кечуа (из которых 3 — испанские заимствования). Слов испанского происхождения — 47, но в 3 случаях имеются расхождения с нормативным испанским (*sirru* resp. *montaña* ‘гора’, *chikitu* resp. *pequeño* ‘маленький’, *bos* resp. *tú* ‘ты’).

Медиаленгва:	<i>Unu</i>	<i>fabur-ta</i>	<i>pidi-nga-bu</i>	<i>bini-xu-ni</i>	
Кечуа:	<i>Shuk</i>	<i>fabur-da</i>	<i>maña-nga-bu</i>	<i>shamu-xu-ni</i>	
	одно	одолжение-АС	просить-NM-BN	приходить-PR-I	
Испанский:	<i>Vengo</i>	<i>para</i>	<i>pedir</i>	<i>un</i>	<i>favor</i>
Русский:	<i>Я пришел</i>	<i>чтобы</i>	<i>попросить</i>	<i>об одном</i>	<i>одолжении</i>

Хотя родство представленных здесь индоевропейских языков (испанского и русского) в этом примере не прослеживается, их структурная противопоставленность другой паре языков видна вполне наглядно. Будучи языком исключительно внутрисемейного общения, медиаленгва функционально схожа с айну, но при внешних контактах его носители пользуются обоими «исходными» языками.

Этот язык возник в начале XX в. после постройки железной дороги Кито–Гуаякиль (1909); молодежь, получившая возможность работать по найму, активно осваивала престижный испанский язык, до того мало распространенный среди сельского индейского населения. «Прототип» медиа-ленгва, вероятно, представлял собой своеобразную манеру общения, ставшую символом групповой идентичности определенной части молодежи, воспринявшей элементы городской культуры и противопоставившей себя традиционному кечуанскому обществу. Типологические параллели хорошо известны²⁵, однако обычно членство в такого рода социальных группах (и использование их атрибутики) имеет возрастные ограничения. Здесь же часть «новых кечуа» мигрировала в города, где ассимилировалась в языковом и культурном отношении с испаноговорящими эквадорцами, а те, кто остался в традиционных местах обитания, обрели (по крайней мере в собственных глазах) более высокий социальный статус. Новый язык, символ этого статуса, стал главным средством внутригруппового общения. В рамках этого социума «сейчас для части детей первым выученным языком становится испанский, родным языком некоторых стариков является кечуа, но родной язык среднего поколения — медиа-ленгва. На медиа-ленгва говорят все, но только в пределах своего сообщества» [МУYSKEN 1997: 374].

Итак, «переплетенные» языки могут не только сложиться «сами собой», но и быть в известном смысле продуктом сознательного смешения независимых языковых традиций. Из числа таких языков наиболее экзотически выглядит **мичиф**, распространенный по обе стороны американо-канадской границы, в основном в Северной Дакоте и Саскачеване. Он возник в начале XIX в. среди потомков от браков индейских женщин с французскими торговцами мехами, называвшими себя *voyageurs*. Для нескольких сотен своих носителей мичиф — родной язык и часто единственный, который был им известен в детстве. Сейчас все говорящие на мичифе двуязычны и владеют английским, заимствования из которого проникают в современный мичиф. Вклад в мичиф алгонкинского языка кри, французского и английского иллюстрируется следующим примером [ВАККЕР, РАПЕН 1996: 1174]:

Un vieux opahikê-t ê-nôhchikê-t, êkwa un matin ê-waniskâ-t ahkosi-w, but kêyapit ana wî-nitawi wâpaht-am ses piêges. Sipwêhtê-w. Mêkwat êkotê tasîhkê-t, une tempête. Maci-kîsikâ-w. Pas moyen si-misk-ahk son shack. Wanisi-n.

‘Один старик был-охотником, охотился и однажды утром проснулся, заболел, но все же он хотел-идти-смотреть свои ловушки. Он пошел. Тем-временем там, [пока-]он-был-занят, [случилась] буря. Плохо-распогодилось. Нет способа найти-ему его хижину. Он-потерялся’.

Носители языка не могут выразиться на нем иначе, поскольку ни французские глаголы, ни существительные кри большинству из них неизвестны. «Коротко говоря, мичиф — язык с французскими существительными, числительными, артиклями и прилагательными, в то время как глаголы, указательные местоимения, послелогии, вопросительные слова происходят из кри» [ВАККЕР, РАПЕН 1996: 1172]. В разных общинах доля французских существительных колеблется от 83 до 94%, а глаголов кри — от 88 до 99% [ВАККЕР, МУYSKEN 1995: 45]. В действительности к кри восходит вся сложная глагольная система языка, а грамматически малонагруженные в тексте имена — французские. Регулярность звуковых соответствий между мичифом и французским,

²⁵ Ср. возникшие в среде русскоязычных хиппи тексты типа *Кабы я была кингица, спичит фёрстая герлица...*

равно как и между мичифом и кри, сомнению не подлежит. Остается выяснить, чей вклад в базисную лексику «основнее». Тут мы совершенно неожиданно оказываемся заложниками частеречной структуры стословного списка. Хотя известно, что глаголы заимствуются куда реже имен, семантические сдвиги у глаголов — явление вполне обычное. Вероятно, в связи с этим в стословном списке преобладают имена: на 54 существительных приходится 19 глаголов и 15 прилагательных²⁶, значит, французский компонент в мичифе автоматически становится более приоритетным. И в самом деле, подсчеты по словарю мичифа [LAVÉRDURE, ALLARD 1983] (без отсутствующего там слова №11 *breast*) дают 69 совпадений с французским стословным списком (для 16 из них имеются дублиеты из кри)²⁷; по 35-словному списку Яхонтова — 26 совпадений (6 дублиетов).

В ряде «переплетенных» языков граница между гетерогенными структурными компонентами проходит в пределах грамматики. Формально вопрос об их генетической принадлежности решается достаточно легко, но представленные в этих языках способы смешения языковых традиций в контексте настоящей статьи кажутся любопытными, поэтому остановлюсь на двух примерах.

В языке хэчжоу (河州, китайская пров. Ганьсу) большинство знаменательных морфем китайские, противопоставлены три тона (и фонетические соответствия с китайским, кажется, достаточно систематичны). Что касается служебных морфем, то в плане выражения они также в основном китайские, но функционируют вполне по-алтайски. «В концептуальном отношении хэчжоу — уйгурский язык. (...) Это выражается в принципах, управляющих порядком слов, и в том, как именное и глагольное словоизменение отражает уйгурское» ([LEE-SMITH 1996c: 872]). Ср. перевод фразы *Чем ты их будешь угощать?* на три языка, где структурные различия между хэчжоу и уйгурским сводятся к наличию в последнем личного показателя при глаголе, дублирующего подлежащее ([ibid.: 868]):

китайский:	你	用	什么	招待	他们
	<i>Nǐ</i>	<i>yòng</i>	<i>shénme</i> (> <i>shémmě</i>)	<i>zhāodài</i> (~ устар. <i>zhāodǎi</i>)	<i>tāmēn?</i>
	[ni˥˩]	[jɔŋ˥˩] ~ [ɥɔŋ˥˩]	[ʃzɪm˥˩.mɿ˥˩]	[ʃʒɑŋ˥˩.tʰaj˥˩] (~ [ʃʒɑŋ˥˩.tʰaj˥˩])	[tʰɑ˥˩.mən˥˩]
	ты	использовать	что	угощать	они
хэчжоу:	<i>Ni</i>	<i>t^ham-xa</i>	<i>šima-la</i>	<i>k^huēte-li?</i>	
уйгурский:	<i>Sen</i>	<i>ular-ni</i>	<i>nime bilen</i>	<i>küt-mekçi-sen?</i>	
	ты	они-OBJ	что INSTR	ждать-INTENTION-2.ед.	
	(букв. 'Чем ты их ждешь?')				

Сходным образом устроены языки ўтўнь (или ўтўньхуà, 五屯话, пров. Цинхай) и тánwān (唐汪, пров. Ганьсу). «Вполне вероятно, что на территории Китая существует еще несколько таких языков» ([LEE-SMITH 1996a: 846]).

Формально говоря, хэчжоу — сино-тибетский язык, причем близкий к китайскому. Еще более очевидна генетическая отнесенность медновского языка (о. Медный, Командорские острова). Несмотря на значительное количество русских заимствований, нет сомнений в его принадлежности к алеутской ветви эскалеутской семьи: он сохранил исконную базовую лексику и значительную часть грамматики. Однако глагольная морфология целиком «заимствована» из русского (притом что сами глагольные корни обычно алеутские), ср. [GOLOVKO, VAKHTIN 1990: 118–119], «русский компонент» записан кириллицей:

Тысяча девятьсот двадцать четвёрты года я аг-ал Mīdnam ila. Aba-qalī-ла-я када вуяна-х тін [= себя] ayugn-ил. И вот я man akītax abā-ю. Пенсия-м kuga ū-ю, и всё равно я abā-ю. Ну, anīyup у меня тоже qalagīit. Ну, huzūŋi они aŋunā-ют щас. Ígluŋ у меня ū-ют.

'Я родилась в 1924 году на острове Медном. Работать-начала я, когда война началась. И вот я с того-времени работаю. Пенсию получаю, и всё равно я работаю. Ну, детей у меня тоже много. Ну, все они большими-становятся сейчас. Внуки у меня есть'.

²⁶ В списке Яхонтова противопоставление имен и глаголов еще ярче: на 23 существительных приходится 3 глагола и 2 прилагательных!

²⁷ Среди лексики французского происхождения есть также слова, не совпадающие с единицами французского списка, ср. 'камень' (81): фр. *pierre* — мч. *rosh* (из фр. *roche* 'скала'); 'ночь' (60): фр. *nuit* — мч. *kawundipishkaw* ~ *swayr* (из фр. *soir* 'вечер').

Медновский язык является очевидным продуктом достаточно полноценного русско-алеутского двуязычия. Скорее всего, он возник в среде *креолов* (так в Русской Америке называли потомков от браков русских промышленников с алеутками) как символ новой этничности, отличной и от алеутской, и от русской.

* * *

Подведем итоги.

Тип языковой эволюции определяется языковой ситуацией, в которую вовлечены носители языка: числом используемых языков, наличием/отсутствием генетических связей между этими языками, а также их социальной иерархией в глазах носителей.

При решении ограниченных коммуникативных задач в ситуации зачаточного двуязычия достаточно часто возникают функционально ущербные новые языки — пиджины, складывающиеся из фрагментов различных языковых традиций. В определенных обстоятельствах пиджины могут дать начало и полноценным новым языкам — креолам; в таком случае есть все основания говорить о возникновении новой языковой традиции.

В ситуации устойчивого развитого двуязычия может возникать новый социум, дистанцирующийся от существовавших ранее. В качестве символа складывающейся новой этничности в рамках нового социума в значительной степени сознательно конструируется новый язык как намеренное смешение различных языковых традиций. В том случае, если исходные традиции в результирующем языке представлены достаточно равномерно, этот язык вряд ли можно привязать к одной из «старых» языковых семей и следует говорить о возникновении новой, «скрещенной» языковой традиции (как в медиа-ленгва, мичифе и, возможно, в хэчжоу). Если же вклад одной из традиций «относительно мал» (как в случае с медновским языком), от него можно абстрагироваться при соотнесении нового языка с существующими генеалогическими деревьями.

Еще один класс «смешанных» языков представляют собой те, которые в ходе эволюции меняют свою генетическую принадлежность. Как говорилось, такой процесс негласно узаконивается в традиционной компаративистике для близкородственных идиомов. На мой взгляд, принципиальных отличий между перемещением по генеалогическому древу «восточнославянских» диалектов и языка эйну нет. На протяжении своей истории эйну неторопливо «растрачивал» иранские элементы и постепенно заменял их тюркскими. Вероятно, здесь можно говорить о непрерывности языковой традиции, но генетическая квалификация самой этой традиции постепенно изменяется. При достаточной информации последовательный компаративист мог бы даже вести своеобразный мониторинг и выявить момент «перехода количества в качество»: как только в словном списке число этимологически «новых» элементов превысит число «старых», происходит «диалектический прыжок» языка с одной ветви генеалогического древа на другую²⁸.

Экзотика эйну в том, что лингвисты застали его в «критической точке», когда оснований предпочесть ту или иную филиацию нет. Случай этот несчастный, но и не исключительный. Филиацию таких находящихся на перепутье языков компаративисты обсуждают редко. Любопытно, что при этом они не всегда «идут на принцип» и могут пренебречь важнейшим постулатом о примате базисной лексики над другими элементами языковой структуры. Если вся грамматическая система и значительная часть лексикона указывают на связи языка в одном, причем совершенно определенном, и «чужом» для специалиста в области частного языкознания направлении, идея признать язык «своим» всего лишь на основании данных части лексикона, хотя бы и базовой, вызывает невольное отторжение. Наиболее ярким представляется случай с языком **ма'а**, или мбугу (северо-восток Танзании). «Этот язык обладает системой согласовательных именных классов, а также глагольной системой, характерной для языков банту, причем особая близость обнаруживается с языками асу и шамбала. В то же время основной словарный фонд мбугу, а также личные и указательные местоимения не связаны с банту, но обнаруживают це-

²⁸ Точно так же и те креольские языки, которые, начав свое существование на заново возникшем генеалогическом древе, остались под воздействием своего языка-лексификатора, естественно, передвигаются на соответствующую «новую» ветку. Так, идиом, которым повседневно пользуются афроамериканцы, давно стал разновидностью американского английского.

лый ряд сходжений с кушитскими языками»²⁹ [Порхомовский 1982: 215]. В. Я. Порхомовский отмечает, что исследователи по-разному решают вопрос о генетической принадлежности этого языка, при этом ему самому как афразисту такой «неправильный» язык трудно счесть кушитским; «представляется более обоснованным отнесение языка мбугу к банту» [ibid.: 254].

Говоря о смене генетической филиации, мы, естественно, имеем в виду тот тип генетического древа, который выше был назван «новым». В этом смысле язык эйну вот-вот окажется на «новом» тюркском древе. Пока же он сидит на иранской ветви индоевропейского древа. Как долго мы будем готовы считать, что его «старая» филиация объективнее новой?

И как обстоит дело с англоромани? Можно ли считать, что его более ранние варианты (пока английский компонент списка Сводеша уступал индийскому) находились на том же индоиранском «старом» стволе, что и эйну? И верно ли, что, не собрав стословный список англоромани начала XXI в., мы ничего не можем сказать о его генетической принадлежности?

Приложение. Стословные списки двух радикальных креолов

№	метаязык	ток-писин	сарамакка	№	метаязык	ток-писин	сарамакка
1	all	<i>olgeta</i>	<i>hii, tíu</i>	27	feather	<i>gras</i>	<i>puúma</i>
2	ashes	<i>sit</i>	<i>síndja</i>	28	fire	<i>paia</i>	<i>fája, vèvé</i>
3	bark	<i>skin</i>	<i>kákisa</i>	29	fish	<i>pis</i>	<i>físi</i>
4	belly	<i>bel</i>	<i>bèè, baika</i> (уст.)	30	fly (v.)	<i>flai</i>	<i>buwá</i>
5	big	<i>bikpela</i>	<i>bigi, gaán</i>	31	foot	<i>fút, lek</i>	<i>fútu</i>
6	bird	<i>pisin</i>	<i>fóu</i>	32	full	<i>pulap</i>	<i>fíu</i>
7	bite	<i>kaikai</i>	<i>njan</i>	33	give	<i>givim</i>	<i>dá</i>
8	black	<i>blakpela</i>	<i>baáka</i>	34	good	<i>gutpela</i>	<i>búnu</i>
9	blood	<i>blut</i>	<i>buúu, sangá</i>	35	green	<i>grinpela</i>	<i>guúun, giín</i>
10	bone	<i>bun</i>	<i>bónu</i>	36	hair	<i>gras</i>	<i>uwíi ~ wiwíi</i>
11	breast	<i>susu</i>	<i>bóbi</i>	37	hand	<i>han</i>	<i>máu</i>
12	burn (tr.)	<i>kukim*</i>	<i>tjumá</i>	38	head	<i>het</i>	<i>hédi</i>
13	claw	<i>kapa</i>	<i>húnja,</i>	39	hear	<i>harim</i>	<i>jéi</i>
14	cloud	<i>klaut</i>	<i>bundji, liba(hoos), wóluku</i>	40	heart	<i>klok</i>	<i>háti</i>
15	cold	<i>kolpela</i>	<i>kótò</i>	41	horn	<i>kom</i>	<i>tutú</i>
16	come	<i>kam</i>	<i>kó</i>	42	I	<i>mi</i>	<i>mi</i>
17	die	<i>dai, indai</i>	<i>dèdè</i>	43	kill	<i>mekim i dai, kilim i dai</i>	<i>kíi</i>
18	dog	<i>dok</i>	<i>dágu</i>	44	knee	<i>skru</i>	<i>kiní</i>
19	drink	<i>dringim</i>	<i>bebé, diíngi</i>	45	know	<i>save</i>	<i>sábi</i>
20	dry	<i>drai</i>	<i>dèè</i>	46	leaf	<i>lip</i>	<i>uwíi ~ wiwíi</i>
21	ear	<i>yau</i>	<i>jési,</i>	47	lie	<i>slip</i>	<i>kándi</i>
22	earth	<i>graun</i>	<i>goón, dóti</i>	48	liver	<i>leva</i>	<i>lèbèn</i>
23	eat	<i>kaikai</i>	<i>nján, kòmé</i>	49	long	<i>longpela</i>	<i>lánga</i>
24	egg	<i>kiau</i>	<i>wóbo</i>	50	louse	<i>laus</i>	<i>lòsu, piójo</i>
25	eye	<i>hai</i>	<i>wójo</i>	51	man	<i>man</i>	<i>wómi</i>
26	fat (n.)	<i>gris</i>	<i>fátu</i>	52	many	<i>planti</i>	<i>hía ~ hila</i>
				53	meat	<i>abus</i>	<i>gbamba, mbéti</i>
				54	moon	<i>mun</i>	<i>líba</i>
				55	mountain	<i>maunten</i>	<i>kúnunu</i>

²⁹ В. Я. Порхомовский не случайно так осторожно квалифицирует кушитский компонент этого языка, поскольку его небантуский лексикон неоднороден и соотносится с разными группами кушитской ветви. Кроме того, заметная часть словаря восходит к нилотскому языку масаи, в частности не менее семи единиц стословного списка: 'кусать', 'приходить', 'собака', 'сердце', 'знать', 'дождь', 'маленький' [THOMASON 1997: 475—476].

№	метаязык	ТОК-ПИСИН	САРАМАККА	№	метаязык	ТОК-ПИСИН	САРАМАККА
56	mouth	<i>maus</i>	<i>búka</i>	79	stand	<i>sanap</i>	<i>taámpu, tán-a-pê</i>
57	name	<i>nem</i>	<i>nê</i>	80	star	<i>sta</i>	<i>teéa</i>
58	neck	<i>nek</i>	<i>gangáa</i>	81	stone	<i>ston</i>	<i>sitónu</i>
59	new	<i>nupela</i>	<i>njú-njú</i>	82	sun	<i>san</i>	<i>sónu</i>
60	night	<i>nait</i>	<i>ndéti</i>	83	swim	<i>swim</i>	<i>sún</i>
61	nose	<i>nus</i>	<i>núsu</i>	84	tail	<i>tel</i>	<i>lábu</i>
62	not	<i>no</i>	<i>ná,</i>	85	that	<i>dispela</i>	<i>dí, dídé</i>
63	one	<i>wanpela</i>	<i>wán</i>	86	this	<i>dispela</i>	<i>dísi</i>
64	person	<i>man</i>	<i>sòmbè ~ sèmbè</i>	87	thou	<i>yu</i>	<i>ju ~ i</i>
65	rain	<i>ren</i>	<i>tjúba, vulá</i>	88	tongue	<i>tang</i>	<i>tóngò</i>
66	red	<i>retpela</i>	<i>bè</i>	89	tooth	<i>tit</i>	<i>tánda</i>
67	road	<i>rot</i>	<i>pási</i>	90	tree	<i>diwai</i>	<i>páu</i>
68	root	<i>rop</i>	<i>lútu</i>	91	two	<i>tupela</i>	<i>tú</i>
69	round	<i>raun</i>	<i>lóntu</i>	92	walk	<i>go</i>	<i>wáka</i>
70	sand	<i>waisan</i>	<i>sáнду</i>	93	warm	<i>hatpela</i>	<i>gbòlò, kéndi,</i>
71	say	<i>spik</i>	<i>táa, táki, fan</i>	94	water	<i>wara</i>	<i>wáta</i>
72	see	<i>lukim</i>	<i>sí</i>	95	we	<i>yumi [incl.], mipela [excl.]</i>	<i>u, wi</i>
73	seed	<i>pikinini</i>	<i>síi</i>	96	what	<i>wanem</i>	<i>andí</i>
74	sit	<i>sindaun</i>	<i>sindó</i>	97	white	<i>waitpela</i>	<i>wéti</i>
75	skin	<i>skin</i>	<i>kákisa, sinkí(n)i</i>	98	who	<i>husat</i>	<i>ambè ~ ámmè</i>
76	sleep	<i>slip</i>	<i>duumí</i>	99	woman	<i>meri</i>	<i>koósuma, mujée</i>
77	small	<i>liklik, smolpela</i>	<i>pikí</i>	100	yellow	<i>yelopela</i>	<i>koóko, donú, fòkò</i>
78	smoke	<i>smok</i>	<i>sumúku</i>				

Примечание. Акут (´) и его отсутствие над гласными *a, e, i, o, u* в сарамакка обозначают высокий и низкий тоны соответственно, гравис над *è* и *ò* — открытую артикуляцию, циркумфлекс над *ê* и *ô* — высокий тон у *è* и *ò*.

Л и т е р а т у р а

- БЕЛИКОВ 1987 — В. И. БЕЛИКОВ. Лексические замены в креольских языках: анализ стословного списка // *Возникновение и функционирование контактных языков*: Материалы рабочего совещания. М.: «Наука».
- БЕЛИКОВ 1989 — В. И. БЕЛИКОВ. Древнейшая история и реальность лингвистических дендрограмм // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*: Материалы к дискуссиям на международной конференции. Ч. 1. М.: «Наука».
- БЕЛИКОВ 1991₁ — В. И. БЕЛИКОВ. Компаративистика и креольские языки // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков*. М.: «Наука».
- БЕЛИКОВ 1991₂ — В. И. БЕЛИКОВ. Роль заимствований в становлении неомеланезийских языков // *Лексические заимствования в языках зарубежного Востока: Социолингвистический аспект*. М.: «Наука».
- БЕЛИКОВ 1998 — В. И. БЕЛИКОВ. *Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк*. М.: «Наука».
- БОНДАЛЕТОВ 1974 — В. Д. БОНДАЛЕТОВ. *Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. I. Условные языки как особый тип социальных диалектов*. Рязань: Ряз. гос. пед. ин-т.
- БТС 1998 — *Большой толковый словарь*. СПб.: «Норинт».
- БУРЛАК, СТАРОСТИН 2001 — С. А. БУРЛАК, С. А. СТАРОСТИН. *Лингвистическая компаративистика*. М.: «УРСС».

- ВАЙНРАЙХ 1972 — У. ВАЙНРАЙХ. О совместимости генеалогического родства и конвергентного развития // *Новое в лингвистике*. Вып. VI. М.: «Наука».
- ВИНОГРАДОВ 1982 — В. А. ВИНОГРАДОВ. Функционально-типологические критерии и генеалогическая классификация языков // *Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства*. М.: «Наука».
- ГОЛЫШЕВ 1880 — И. ГОЛЫШЕВЪ. Проводы офеней въ дорогу изъ дому для торговли и разговоръ ихъ на своемъ искусственномъ языкѣ // *Ежегодникъ Владимирскаго губернскаго статистическаго комитета*. Владимиръ. Т. 3. (Цит. по: [БОНДАЛЕТОВ 1974: 77]).
- А. В. ДЫБО 2003 — А. В. ДЫБО. Семантическая реконструкция в сравнительно-историческом языкознании // *Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы*. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 22–24 января 2003 года. М.: Филол. ф-т МГУ.
- В. А. ДЫБО 2003 — В. А. ДЫБО. Язык — этнос — археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // *Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы*. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 22–24 января 2003 года. М.: Филол. ф-т МГУ.
- ЗАЛИЗНЯК 1995 — А. А. ЗАЛИЗНЯК. *Древненовгородский диалект*. М.: «Школа “Языки русской культуры”».
- ИВАНОВ 1990₁ — Вяч. Вс. ИВАНОВ. Генеалогическая классификация языков // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: «Советская энциклопедия».
- ИВАНОВ 1990₂ — Вяч. Вс. ИВАНОВ. Языки мира // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: «Советская энциклопедия».
- ЛЭС — *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: «Советская энциклопедия». 1990.
- МАС — *Словарь русского языка*. 2-е изд. М.: «Русский язык». 1981–1984.
- МЕЙЕ 1938 — А. МЕЙЕ. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М.–Л.: Соцэкгиз.
- ОЖЕГОВ 1949 — С. И. ОЖЕГОВ. *Словарь русского языка*. М.: ОГИЗ–ГИС.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)*. М.: «Наука». 1974.
- ПОРХОМОВСКИЙ 1982 — В. Я. ПОРХОМОВСКИЙ. Проблемы генетической классификация языков Африки // *Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства*. М.: «Наука».
- ТЕЙЛОР 1972 — Д. ТЕЙЛОР. О классификации креолизованных языков // *Новое в лингвистике*. М.: «Наука». Вып. VI.
- ТОМПСОН — Р. ТОМПСОН. Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизованные диалекты Старого и Нового Света // *Новое в лингвистике*. М.: «Наука», 1972. Вып. VI.
- ТРУБЕЦКОЙ 1987 — Н. С. ТРУБЕЦКОЙ. Мысли об индоевропейской проблеме // *Избранные труды по филологии*. М. [Первоначально: N. S. TRUBETZKOY. Gedanken über das Indogermanenproblem // *Acta linguistica*, 1939, Vol. 3].
- ХЕЛИМСКИЙ 1982 — Е. А. ХЕЛИМСКИЙ. *Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели: Лингвистическая и этногенетическая интерпретация*. М.: «Наука».
- ХЕЛИМСКИЙ 1991 — Е. А. ХЕЛИМСКИЙ. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков*. М.: «Наука».
- ХОЛЛ 1972 — Р. А. ХОЛЛ. Креолизованные языки и «генеалогическое родство» // *Новое в лингвистике*. М.: «Наука». Вып. VI.
- ШАЙКЕВИЧ 1995 — А. Я. ШАЙКЕВИЧ. *Введение в лингвистику*. М.: Российский открытый ун-т.
- ЭДЕЛЬМАН 2003 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Еще раз об ареальной и темпоральной стратификации обшчеиранского праязыкового континуума // *Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы*. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 22–24 января 2003 года. М.: Филол. ф-т МГУ.
- ARENDS & al. — J. ARENDS, P. MUYSKEN, N. SMITH (eds.). *Pidgins and Creoles: An Introduction*. Amsterdam–Philadelphia: John BENJAMINS, 1995.

- BAKKER, MUYSKEN 1995 — P. BAKKER, P. MUYSKEN. Mixed Languages and Language Intertwining // [ARENDS et al. 1995: 41–52].
- BAKKER, PAPEN — Peter BAKKER, Robert A. PAPEN. Michif and Other Languages of the Canadian Métis // [WURM & al. 1996: 120; pp. 1171–1183].
- BICKERTON 1977 — D. BICKERTON. Pidginization and Creolization: Language Acquisition and Language Universals // A. VALDMAN (ed.) / *Pidgin and Creole Linguistics*. Bloomington.
- BICKERTON 1981 — D. BICKERTON. *Roots of Language*. Ann Arbor: Karoma Publishers.
- BICKERTON 1988 — D. BICKERTON. Creole Languages and the Bioprogram // F. J. NEWMAYER (ed.) / *Linguistics: The Cambridge survey*. Vol. 2. *Linguistic Theory: Extensions and Implications*. Cambridge: CUP; pp. 268–284.
- CLARK 1979 — R. CLARK. In Search of Beach-la-Mar: Towards a History of Pacific Pidgin English // *Te Reo*,. Vol. 22/23.
- GOLOVKO, VAKHTIN — E. V. GOLOVKO, N. B. VAKHTIN. Aleut in Contact: The CIA enigma // *Acta Linguistica Hafniensia*, 1990. Vol. 22.
- KOUWENBERG — Silvia KOUWENBERG. Berbice Dutch Creole // [WURM & al. 1996: 136; pp. 1147–1156]; on-line: http://www.caribbeanlanguages.org.jm/Kouwenberg_in_Atlas_Wurm_1996.pdf.
- LAVERDURE — P. LAVERDURE, I. R. ALLARD. *The Michif Dictionary*. Winnipeg: Pemmican Publications, 1983.
- LAYCOCK — D. S. LAYCOCK. Creative Writings in New Guinea Pidgin // Wurm S. A. (ed.). *New Guinea Area Languages and Language Study*. Canberra, 1977. Vol. 3.
- LEE-SMITH 1996_a — Mei W. LEE-SMITH. Some Hybrid Languages in China // [WURM & al. 1996: 081; pp. 845–850].
- LEE-SMITH 1996_b — Mei W. LEE-SMITH. The Ejnu Language // [WURM & al. 1996: 082; pp. 851–864].
- LEE-SMITH 1996_c — Mei W. LEE-SMITH. The Hezhou Language // [WURM & al. 1996: 083; pp. 865–874].
- MÜHLHÄUSLER 1986 — P. MÜHLHÄUSLER. *Pidgin and Creole Linguistics*. Oxford: BLACKWELL.
- MUYSKEN 1997 — P. MUYSKEN. Media Lengua // S. THOMASON (ed.) / *Contact Languages: A Wider Perspective*. Amsterdam: John BENJAMINS.
- MUYSKEN 2001 — P. MUYSKEN. Intertwined Languages // *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Amsterdam &c.: ELSEVIER Science; p. 481.
- PLANK 1988 — P. H. VAN DER PLANK. Growth and Decline of the Dutch Standard Language Across the State Borders // *IJSL*, № 74.
- POLINSKY 1996 — Maria POLINSKY [М. С. ПОЛИНСКАЯ]. *American Russian: An endangered language?* [Manuscript.] USC–UCSD; on-line: <http://ling.ucsd.edu/~polinsky/pubs/american-russian.pdf>.
- THOMASON 1997 — S. THOMASON. Ma'a (Mbugu) // S. THOMASON (ed.) / *Contact Languages: A Wider Perspective*. Amsterdam: John BENJAMINS.
- THOMASON 2001 — S. THOMASON. *Language Contact: An Introduction*. Washington (D.C.): Georgetown Univ. Press.
- WURM & al. 1996 — Stephen A. WURM, Peter MÜHLHÄUSLER, Darrell T. TRYON. (eds.). *Atlas of the Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and the Americas*. Berlin–New York: MOUTON–DE GRUYTER. Vol. II.2. *Texts*.

S u m m a r y

The article discusses the issue of elements of linguistic convergence in the process of arisal of new languages. In the author's opinion, the importance of this issue grows in direct proportion to the amount of data we have on “mixed” languages (pidgins and creoles), despite the fact that it is frequently ignored or underestimated by traditionally-oriented scholars of comparative-historical linguistics. It is shown that the existing models of genetic classification, based on morphological and lexical (lexicostatistical) criteria, frequently do not work due to the impossibility of fully taking this issue into account. In addition, this problem is actual not only for originally non-related languages undergoing pidginization, but also for languages that belong to the same family whose divergence was at the same time accompanied by intense mutual contacts (this problem, after A. B. DOLGOPOLSKY's term, is named “the issue of the genealogical stump”).